

Д. А. ЛОМАКИН

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия)

О КУПОЛЬНОМ ЗДАНИИ НА ТЕРРИТОРИИ СУДАКСКОЙ КРЕПОСТИ (20-е гг. XX – НАЧАЛО XXI вв.)¹

Аннотация: Аккумулирован, систематизирован и обобщен опыт изучения средневекового купольного здания – памятника мусульманской архитектуры Юго-Восточного Крыма, расположенного на территории генуэзской крепости в Судаке, с 20-х годов XX до начала XXI века. Выделены основные этапы исследования объекта культурного наследия, упорядочен многочисленный опыт составления архитектурной истории памятника и анализа его архитектоники в отечественной историографии. Рассмотрены возникшие на современном этапе научного освоения здания различные гипотезы, идеи и предположения, зачастую противоречащие друг другу, основанные как на научных фактах, так и на ничем не обоснованных догадках. Подчеркнуто, что научная дискуссия о времени возведения и первоначальном назначении сооружения в настоящее время далека до своего конструктивного разрешения.

Ключевые слова: Судак, купольное здание, мечеть, памятник архитектуры, объект культурного наследия, история изучения.

В середине 20-х гг. XX в. в кулуарах кабинетов крымских чиновников как никогда остро стоял вопрос о необходимости сохранения культурного наследия полуострова, в том числе яркого примера генуэзского наследия – Судакской крепости². Была осознана потребность сбережения наименее исследованного объекта на территории памятника – купольного здания бывшей мечети. Отсутствие регулярного качественного надзора привело к его многочисленным разрушениям и повреждениям.

---

¹ Исследование выполнено в рамках госзадания Министерства науки и высшего образования РФ № FZEG-2017-0013 по теме «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия». Статья является логическим продолжением принятой к рассмотрению с целью дальнейшей публикации научным журналом «Золотоордынское обозрение» статьи «Купольное здание на территории Судакской крепости в историографии последней четверти XVIII – начала XX века» (Ломакин Д. А., Непомнящий А. А.), предполагаемая дата выхода из печати: второе полугодие 2019 – первое полугодие 2020 г. Сюжет, связанный с историей изучения латинской надписи, расположенной над михрабом в купольном здании на территории Судакской крепости, рассмотрен в отдельной публикации автора [18].

² Памятник федерального значения (распоряжение Правительства Российской Федерации № 2073-р от 17.10.15), расположен по адресу: Республика Крым, г. Судак, ул. Генуэзская крепость, д. 1.

22 сентября 1925 г. на заседании Архитектурно-реставрационного отделения Музейного отдела Главнауки профессор А. А. Фомин сообщил о произведенном им летом осмотре крепости. Он отметил, что «вследствие геологических и стихийных условий, а также вследствие механических причин (разрушения экскурсантами) эти древности быстро разрушаются. Охраны же фактически не существует никакой». Ученый считал необходимым «произвести срочно самый необходимый ремонт тех частей, которые находятся в наиболее угрожающем положении». На заседании было принято решение «признать положение судакских памятников весьма угрожающим и требующим срочных мер ремонта и охраны. Признать желательной организацию планомерных обследований в 1926 году» [ЦГАМ, ф. Р-1, оп. 1, д. 517, л. 1].

6 февраля 1926 г. на заседании Комиссии по охране памятников Крыма был заслушан доклад Н. Д. Протасова «Об исследовании Судака в связи с исследованием других памятников Крыма». В прениях к докладу А. С. Башкиров указал, что «дальнейшие исследовательские работы и охрана в Судаке, ведущиеся более или менее случайно, дилетантские и имевшие от части туристический характер, должны быть поставлены на надлежащую высоту и поручены специалистам. Вещи, собранные лицами, производившими разведки в Судаке, должны быть сданы в одно из государственных хранилищ, в частности с этим предложением следует обратиться к А. А. Фомину». По итогам заседания в качестве одного из постановлений Комиссии было принято решение «поставить в Главнауке вопрос о необходимости командирования архитектора для обследования угрожаемых памятников, выяснения мер укрепления и производства точных обмеров и зарисовок» [ЦГАМ, ф. Р-1, оп. 1, д. 517, л. 11–12].

Тогда же возникла идея о размещении в купольном здании местного музея древностей. На заседании Комиссии по выработке мер охраны памятников Крыма от 13 февраля 1926 г. А. И. Полканов сообщил о возникших трудностях в решении этого вопроса: «Костел³, предназначенный под музей, пока еще не передан. Центральным архивным управлением были даны неверные сведения, что костел посещается от 50 до 200 богомольцами, в действительности это экскурсанты, а община имеет всего 14 приходских семей, нет священника, и, вероятно, Центральное архивное управление, получив разъяснение, костел передаст» [ЦГАМ, ф. Р-1, оп. 1, д. 507, л. 1–3]. Рассматривался и иной вариант использования постройки. Уже после прекращения деятельности костела Б. Н. Засыпкин отметил, что «здание предполагается к восстановлению как мечеть (раскрытие михраба, орнаментов наличников и др.)» [10, с. 278].

Для оказания помощи крымским ученым Главнаукой на полуостров был командирован сотрудник Центральных государственных реставрационных мастерских, архитектор Б. Н. Засыпкин. 27–28 августа 1926 г. комиссией в составе Б. Н. Засыпкина, А. А. Фомина, Е. Ф. Карповича был произведен осмотр памятников Судакской крепости «на предмет определения их технического состояния и принятия мер к охране» [ЦГАМ, ф. Р-1, оп. 1, д. 517, л. 14–19]. В документе зафиксировано состояние

³ В здании со 2 октября 1883 г. располагался армяно-католический собор во имя Успения Божьей Матери (рис. 1–3), когда в качестве последнего был освящен бывший храм Св. Матфея.

купольного здания и предложены первоочередные меры по его ремонту: «Здание сырое. Проветривания нет. Необходимо устроить сквозное проветривание. Железную крышу снять, купол и кровлю смазать известковым раствором или покрыть плитами, нужно произвести изыскание и сделать так, как было в древности. Железную крышу на 1/4 сорвало ветром. Она дисгармонирует с общим видом крепости. В остальных частях здание сохранилось хорошо. Галерея носит следы переделок. Здесь нужно архитектурно-археологическое исследование на предмет определения древнего вида. Все работы должны быть произведены под руководством архитектора-реставратора» [ЦГАМ, ф. Р-1, оп. 1, д. 517, л. 14–19]. По результатам обследования Б. Н. Засыпкиным было выполнено два плана здания [ЦГАМ, ф. Р-1, оп. 1, д. 509, л. 24–25]. В акте подчеркивалось, что памятник уже «перешел в полное ведение КрымОХРИС, и здесь по инициативе профессора А. А. Фомина начинается размещаться будущий археологический музей» [ЦГАМ, ф. Р-1, оп. 1, д. 517, л. 14–19] (в дальнейшем – историко-археологический музей, филиал Государственного исторического музея).

П. И. Голландским, занимавшим должность архитектора-археолога при уполномоченном Музейного отдела Главнауки по Крыму, было подготовлено заключение по акту от 27–28 августа 1926 г. Архитектор в целях экономии средств был вынужден не согласиться с рядом запланированных мероприятий по сохранению объектов культурного наследия Судакской крепости. П. И. Голландский настаивал на перекрытии здания мечети листовым железом: «Черепиц на месте получить нельзя, а привозная, как мне заявлено в Судаке, будет стоить минимально 60 руб. за тысячу штук. К тому же, если покрыть черепицей низкие здания <...>, то ее хищнически разберут, так как снимать ее можно без всяких инструментов и всяких приспособлений. В армяно-католической церкви, покрытой уже железом, с наименьшей затратой пришлось бы пополнить недостающие листы. Конечно, если надлежит ее реставрировать (что должно быть специальной научной работой), то не только следует снять железную кровлю и восстановить прежнее перекрытие, было ли оно плитное или цементное или какое-либо другое, что подлежит обследованию и выяснению – но и очистить внутри штукатурку со стен и сводов, под которой я усмотрел орнаментировку по тесаной облицовке, и удалить многое другое, что явилось нарастанием за позднейшее время от основания памятника» [ЦГАМ, ф. Р-1, оп. 1, д. 517, л. 31–32].

Намеченный комплекс мероприятий из-за отсутствия должного финансирования в полном объеме выполнить не удалось. В письме начальнику Главнауки Ф. Н. Петрову А. И. Полканов был вынужден сетовать на катастрофическую нехватку средств: «В Судаке действительно нет научного надзора за работами, но Главнаука отпустила на работы всего 800 руб., да КрымОХРИС 740 руб., что едва хватит на заграждение, а по минимальной смете работ там на 2400 руб.» [ЦГАМ, ф. Р-1, оп. 1, д. 509, л. 27–28].

В результате на основе собранного материала Б. Н. Засыпкиным было подготовлено обстоятельное исследование, опубликованное в 1927 г. на страницах журнала «Крым». Автор обратил внимание на значительное сходство архитектоники здания с мечетью Куршум-Джами в Старом Крыму, при этом выполнив чертежи

обоих памятников [11, с. 133]. Архитектор счел нужным сразу сделать оговорку, что считает здание капеллы (действовала до августа 1926 г.) «подлинно мечетью, а не зданием христианским, как то высказывалось некоторыми исследователями. За то несомненно говорит, во-первых, план мечети михрабом на юг и минаретом в северо-восточном углу <...>. По традициям хотелось бы видеть в северной стене вход с порталом, но этого нельзя было сделать, так как мечеть стоит на косогоре и уровень пола приходится очень высоко, вот почему вход пришлось сделать с восточной стороны, имевшей еще два окна» [11, с. 135]. Б. Н. Засыпкин впервые выполнил качественный архитектурный анализ памятника, аналогия которому была найдена в современном турецком г. Изник (мечеть Ешиль-Джами, 1379 г.). Автор справедливо подчеркнул, что «мечеть Судака, будучи до сих пор занятой костелом, очень мало исследована, вместе с тем углубленное изучение ее интересных конструкций и прекрасных деталей в обработке михраба, оконных наличников и капителей колонн, будет иметь решающее значение в вопросе: имеем ли мы здесь тюрко-сельджукскую мечеть? На основании наших наблюдений мы склонны мечеть в Судаке <...> отнести именно к тюрко-сельджукским» [11, с. 139]. При этом архитектор был склонен считать, что мечеть была возведена до 1314 г.

Диаметрально противоположной точки зрения придерживался заведующий отделом византийских и киевских памятников Государственного исторического музея (г. Москва) Н. Д. Протасов. Автор считал, что купольное здание первоначально выполняло функции «романской базилики». Он отметил, что «по плану и общему характеру кладки, насколько это можно видеть без пробных расчисток и углубленных зондажей, церковь представляет собой типично романское провинциальное сооружение, в некоторых своих частях сильнейшим образом переделанное в целях обращения в мусульманскую мечеть» [22, с. 103]. Профессор был уверен, что «более внимательные штудии с реставраторским ножом и молотком позволят открыть из-под поздних переделок не один остаток мусульманской декорации, который даст лишнее доказательство того, что уже давно, может быть, в XV–XVI вв. бывшая здесь романская церковь была коренным образом переделана в мечеть» [22, с. 104].

В сентябре 1927 г. на Второй конференции археологов СССР в Херсонесе А. А. Фомин представил предварительные результаты разведочных работ в Судаке. В ходе обсуждений доклада У. А. Боданинский предположил, что обнаруженный возле здания мечети фрагмент поливной облицовочной плитки может принадлежать оформлению михраба [5, с. 47].

А. И. Полканов, автор одного из первых советских путеводителей по территории Судакской крепости, считал, что «первоначальная постройка ни в коем случае не была произведена генуэзцами, а вернее всего турками-сельджуками, которые возвели ее заново, или же воспользовались разрушенным зданием бывшей греческой церкви и на старом основании построили свою мечеть. Аргументация Дюбуа де Монпере и Бертье-Делагарда является наиболее убедительной» [21, с. 36]. Он также отметил, что при «рассмотрении здания ясно обозначаются три кладки: более

древняя (нижняя часть), средняя и новая. Необъясненной является остаток массивной стены, примыкающей к зданию с западной стороны» [21, с. 36].

В 1928 г. сотрудником ГАИМК Е. Ч. Скржинской в Генуе на французском языке опубликован свод лапидарных надписей Генуэзских колоний в Крыму, в который вошли все выполненные на тот момент варианты прочтения надписи над михрабом и предложен свой [34, с. 122]. В опубликованной уже после смерти исследователя «Истории генуэзских поселений в Крыму» подчеркнуто, что «весьма серьезного внимания и тщательного изучения заслуживает мечеть Судацкой крепости. <...> В настоящее время мнение специалистов-архитекторов склоняется к тому, что по стилю это здание ближе всего к постройкам сельджукского типа. <...> Над михрабом в мечети высечена латинская надпись с указанием на 1423 г., на основании которой можно полагать, что когда-то генуэзцы обратили мечеть в христианский храм. По-видимому, после взятия Судака турками в 1475 г. здание было опять обращено в мечеть, а потом снова было сделано христианской (армяно-католической) церковью. Теперь в нем помещается музей древностей Судака» [25, с. 81].

В 1928 г. на страницах «Византийского временника» А. Ю. Якубовским был представлен детальный пересказ хроники Ибн-ал-Биби, отразившей захват Судака сельджуками в первой четверти XIII в. Помещенные в ней сведения об основании мечети после захвата города легли в основу современных утверждений о сельджукском происхождении памятника, расположенного на территории Судакской крепости. А. Ю. Якубовский подчеркнул: «В наши дни среди специалистов-архитекторов преобладает мнение, что здание это не может быть построено ни генуэзцами, ни татарами и что по своему стилю оно ближе все же подходит к постройкам сельджукского типа. Сопоставляя последнее соображение с рассказом Ибн-ал-Биби о построении на высоком месте Судака мечети, мы получаем, таким образом, аргумент в пользу этого мнения. Окончательно же этот вопрос может быть решен лишь после тщательного изучения сохранившегося в Судаке памятника» [32, с. 75]. Автор допустил осторожную ремарку о том, что «судя по рассказу Ибн-ал-Биби, мечеть была не заново построена, а перестроена из христианского храма» [32, с. 75].

В течение двух археологических сезонов 1928–1929 гг. на территории Судакской крепости проводила археологические исследования экспедиция под руководством Ю. В. Готье. Работы были организованы Государственной академией истории материальной культуры с участием Государственного исторического музея (Москва) и Центрального музея Тавриды. На территории крепости были запланированы продолжительные систематические изыскания, поэтому ставились амбициозные цели: «расчистка крепостных построек; вскрытие городища на крепостной горе, в результате чего должна предстать картина дорог, улиц, общественных зданий и простых домов средневековой византийской Сугдеи и генуэзской Солдайи» [27, с. 147]. В ходе работ особое внимание было уделено фотофиксации памятников: «Намечено было систематически и полно снять главнейшие наземные памятники, а именно генуэзскую крепость, составляющую весьма целостный и в значительной мере уже

исследованный комплекс и мечеть, находящуюся в стенах той же крепости. Для этого экспедиция получила в свое распоряжение один из лучших аппаратов Академии, которым и было произведено более ста снимков (размером 13x18 и 9x12). Работа выполнялась А. Ю. Якубовским и Е. Ч. Скржинской, и заняла 8 дней» [26, с. 139]. Одним из объектов фотофиксации стало здание бывшей мечети.

Е. Ч. Скржинской в 1944 г. для Антифашистского комитета ученых была подготовлена незначительная по объему машинопись, из которой стала известна судьба памятника в годы Великой Отечественной войны: «В Судаке в здании музея (бывшая) мечеть) стояла румынская часть; в результате от музейных вещей, имущества и библиотеки осталась куча мусора, из которого кроме мелких фрагментов глиняной посуды, невозможно ничего выбрать» [28, с. 320].

В 1951 г. Е. Ф. Карпович «на основании своих личных впечатлений от изучения надписи [над михрабом – Д. Л.], а также соображений исторического характера», возведение здания отнес к «XIV или, может быть, даже XIII в.», отметив, что оно «является в Крыму древнейшим памятником этого рода» [13, с. 121]. Е. Ф. Карпович сообщил о реставрации мечети в 1593 г., ссылаясь на «сохранившиеся документы» [13, с. 123], без указания конкретных. В 1955 г. опубликованы «Очерки истории Су-рожа IX–XV вв.» С. А. Секиринского. Несмотря на перегруженность работы идеологическими мотивами, попытками вписать историю города в марксистско-ленинскую концепцию, не утратили своего значения описание архитектурного ансамбля крепости. Автор отметил, что в здании мечети «прослеживаются четыре разновременные кладки» [23, с. 70], не уточняя при этом хронологию.

Весной 1958 г. после таяния снега вследствие аварийного состояния купола памятника произошло заморозание внутренней отделки здания. В результате реставрационного вмешательства специалистов было установлено, что штукатурка состоит из трех слоев. Под верхним из них, на западном пилястре внутренней аркады, был выявлен фрагмент фрески: сохранившаяся по пояс фигура святого с нимбом в монашеском облачении (рис. 4). Значительное внимание неожиданной «находке» было уделено О. И. Домбровским. Автор отметил, что фреска близка к традициям итальянской живописи XIV – начала XV в., в связи с чем, ссылаясь на свидетельство Марко Поло о существовании в Судаке в XIII в. францисканского монастыря, предположил происхождение автора данной росписи [9, с. 74]. На основании обнаруженной фрески О. И. Домбровским вновь был поднят вопрос о первоначальном назначении здания: «По своему устройству оно одинаково не подходит ни для мечети, ни для церкви. Его строительная периодизация говорит лишь о позднейших переделках и приспособлениях этой постройки то под мечеть, то под церковь. Известное же сходство ее с некоторыми малоазийскими мечетями сельджуков, отмечаемое А. Л. Бертье-Делагардом, не доказывает мусульманского и вообще культового предназначения данного здания» [9, с. 71]. В результате исследователь пришел к достаточно оригинальному выводу: «Надпись на портале служит свидетельством использования здания не в религиозных, а в мирских целях и позволяет, как мы полагаем, считать, что само здание было

построено именно для этих целей и именно в то время, о котором говорит надпись. <...> Здание могло предназначаться не для мечети или церкви, а для вершения различных служебных дел и официальных приемов консула» [9, с. 71].

О. И. Домбровский считал, что, «если католическое духовенство и могло примириться с использованием михраба в качестве алтаря и обращением молящихся в сторону юга, то гордая консульская надпись с гербами не могла быть допустимой над алтарем какого бы то ни было христианского храма» [9, с. 71]⁴. Автор отнес сооружение здания, появление обнаруженной фрески в его внутреннем убранстве и надписи к концу XIV – началу XV в., считая их связанными одновременными событиями. С подобными выводами частично не был согласен В. А. Сидоренко: «От предложения О. И. Домбровского отнести судакскую фреску к первоначальной постройке следует отказаться. <...> Сохранность верхнего слоя [штукатурки – Д. Л.] позволяет предполагать его относительно недавнее происхождение; нижний слой с изображением святого <...> мог появиться не ранее XV в., когда мечеть была преобразована в армяно-католическую церковь. В целом этой датировке не противоречат стилистические особенности росписи, аналогичные армянскому искусству» [24, с. 120].

Тезисы О. И. Домбровского получили развитие в его работе, опубликованной после смерти автора. Он отметил, что «пресловутое купольное здание <...> было построено не ранее XV в. местными мастерами в свойственных им строительных традициях, но для генуэзцев, по-видимому, оказалось ничем иным как своего рода присутственной залой, тем “домом консульства”, что упомянуто в переписке последнего консула Солдайи. Уточнение даты его возведения кажется невозможным» [8, с. 619]. Учитывая незавершенность орнамента (рис. 5–6), автор предположил, что именно захват крепости турецкими войсками в 1475 г. не дал возможности полностью закончить постройку [8, с. 620].

А. Л. Якобсон не выразил сомнений по поводу первоначального назначения купольного здания, считая его «небольшой мечетью, построенной еще в первой половине XIV в., когда здесь обосновались татары» [31, с. 120]. Автор также подчеркнул, что «это, пожалуй, древнейшая в Крыму татарская мечеть, тип которой стал затем традиционным в татарском зодчестве Крыма» [31, с. 120].

В 1969 г. Судакским отрядом Крымской экспедиции Института археологии АН УССР под руководством М. А. Фронджуло, в связи с планами реставрации мечети, проведены археологические изыскания внутренней части здания. После вскрытия деревянного пола на основной площади было заложено четыре шурфа, в восточной галерее – еще пять. Детально исследован фундамент храма, открыты следы его укрепления с восточной стороны. Обнаружено значительное количество фрагмен-

⁴ По мнению А. В. Джанова «надпись нельзя назвать ни “гордой”, ни “консульской”, поскольку в ней отсутствует имя заказчика и должность. В данном случае мы имеем дело с донаторской надписью, хотя и не лишенной официальной символики. В храмах Западной Европы донаторские надписи с геральдическими символами можно встретить в самых неожиданных местах: над отдельными сюжетами стеной росписи, на оборотных сторонах икон» [6, с. 658; 7, с. 188].

тов керамики XIII–XIV вв. Исследования позволили руководителю экспедиции сделать однозначные выводы: «Раскопками в мечети установлено, что первоначально соорудили мечеть (никаких остатков предшествующего христианского храма и захоронений не обнаружено). Основание минарета и галереи (с восточной стороны) сложены в перевязь с фундаментами здания. <...> В результате осмотра и зондажа бортов дренажной канавы, проложенной вдоль южной и западной стен здания, входа с южной стороны не обнаружено. Таким образом, раскопки храма подтвердили предположение А. Л. Бертье-Делагарда о том, что первоначально здание строилось в качестве мечети» [29, с. 266; 30, с. 627].

В связи с благоустройством восточной и южной сторон мечети в 1971 г. было предпринято исследование фундамента михраба. Установлено, что он сооружен на каменном фундаменте, сложенном на известковом растворе, уложен на круто падающую к востоку скалу. Следов выравнивания материка не обнаружено. Выяснилось, что фундамент выступающей части михраба сложен в перевязь с фундаментом южной стены мечети. Следов перестройки не обнаружено. Таким образом, исследование показало, что предполагаемого первоначального входа в главное помещение храма не было. Михраб был сооружен одновременно с основным зданием [30, с. 628].

В 1974–1975 гг. у юго-восточного угла мечети проводились земляные работы, связанные с благоустройством территории и реставрацией восточной оборонительной стены. В связи с этим велось доисследование обнаруженных объектов [30, с. 628]. В результате работ с восточной стороны выявлена подпорная стена с парапетом над обрывом, сооруженная одновременно с мечетью. При ее расчистке по центру площадки на глубине около 4 м обнаружено отверстие, расположенное между кладкой и скалой, выполнявшее функцию отвода воды в обрыв [30, с. 629]. При расчистке восточной подпорной стены, в северной ее части было обнаружено четыре камня с фресками. По распоряжению Инспекции охраны памятников Государственного комитета УССР по строительству и инвестициям, фрагменты с фреской были изъяты из кладки и отправлены на исследование, результаты которого неизвестны. По предположению М. А. Фронджуло, «при строительстве мечети и стен вокруг площадки у юго-восточного угла храма использовался камень из разрушенных христианских храмов» [30, с. 630].

В результате продолжительных исследований здания М. А. Фронджуло пришел к выводу, что «мечеть была построена до прихода генуэзцев в Судак, за пределами города. Постройка использовалась генуэзцами для хозяйственных целей. В это время мечеть могла стать временным католическим храмом (до сооружения городского католического собора), затем в ней могло расположиться одно из учреждений генуэзской Солдайи» [30, с. 631].

В октябре 1982 г. в Ереване на республиканской научной конференции по проблемам культуры и искусства Армении старшим научным сотрудником отдела археологии Института археологии АН УССР И. А. Барановым прочитан доклад «Судакская капелла. Датировка и атрибутация», в котором был предложен ряд не-

беспорных тезисов. Автор исключил возможность первоначального строительства здания в качестве храма, отметив при этом, что «вероятнее всего здание использовалось под городскую ратушу и в нем собирались представители разноэтничных общин Солдайи, оставившие свои автографы в галерее и на стенах самой постройки» [3, с. 276]. Автор, ссылаясь на известия Рашид-ад-Дина, отметил беспочвенность рассуждений о прямом участии сельджуков в строительстве рассматриваемой постройки. И. А. Баранов, считая датой возведения сооружения 1423 г., подчеркнул, что «оно не могло быть возведено на этом участке города ранее XV в., т.к. его застройка началась после 1409 г.» [3, с. 276]. Частично данные тезисы были перенесены автором в более поздние работы.

В связи с реставрационными работами с южной стороны здания в 1986 г. были продолжены археологические исследования под руководством И. А. Баранова. В результате работ наиболее ранний горизонт на исследуемом участке был датирован второй половиной XIV – XV в. [2, с. 649]. Это позволило руководителю экспедиции говорить о том, что здание мечети не могло возникнуть в более ранний период, исключая при этом связь с сельджукской эпохой [2, с. 650]. Ссылаясь на аналогии конструктивного решения перекрытия здания (мечеть Джума-Джами в Евпатории, соборная мечеть и османские бани в Феодосии), И. А. Баранов предположил, что ныне существующее перекрытие мечети было сооружено турками-османами при реконструкции постройки после 1475 г. [2, с. 633].

Исследователь одним из первых отметил наличие значительного количества граффити во внутреннем оформлении мечети. На откосах портала «четко выделяются геральдический щит с тремя лентами по диагонали, геральдический щит с гербом ГENUИ, монограммы, тамга Гиреев и разнообразные кресты» [2, с. 638]. Многочисленные граффити выявлены на блоках перекрытия окна и его обрамления: монограммы, буквы греческого, латинского и армянского алфавитов, тюркские тамги, кресты на Голгофе и др. По утверждению И. А. Баранова, художником Н. Д. Струковым на верхней части откоса наличника окна было обнаружено четко вырезанное итальянское имя GERARDI на латыни [2, с. 641].

В 1986 г. была вновь раскрыта траншея вдоль южной стены здания, заложенная М. А. Фронджуло в 1969 г. Новые работы были предприняты с целью обнажения фундаментов для их экстренной просушки. В результате изысканий И. А. Баранов пришел к выводу о позднем оформлении современного вида михраба и об его отсутствии в первоначальном варианте здания: «Михрабный выступ <...> имеет полуциркулярную форму и выступает с внешней стороны южной стены купольного здания <...> Оси выступа и михраба сдвинуты; с восточной стороны выступ встроен в проем обрамления резного окна <...>, где отчетливо видна стыковка кладок. С западной стороны михрабный выступ оказался на 0,5 м дальше наличника окна и перекрыл его, будучи пристроенным к стене ратуши без перевязи, т.е. налицо его более позднее происхождение. Основание михрабного выступа стоит на каменной прямоугольной платформе, сложенной из крупного бута на глине, т.е. в совершенно

иной технике» [2, с. 650]. По мнению автора, михраб был установлен на месте существовавшего оконного проема: «при сооружении михраба в наличнике окна был снят нижний блок с растительным орнаментом, в результате чего было нарушено композиционное построение резьбы и создано ощущение незавершенности. Окно заложено без перевязи известняковыми блоками на высоте 2 м от пола» [2, с. 642].

И. А. Баранов поддержал выводы О. И. Домбровского о принадлежности фрески купольного здания с изображением святого Николая Мирликийского⁵ памятнику итальянского типа и светском общественном назначении постройки. По его мнению, это подтверждает и факт обнаружения в 1996 г. при очистке росписей поврежденной однострочной латинской надписи. Она выполнена красной краской по первоначальной штукатурке одновременно с ликом святого и гербами [2, с. 647].

Основываясь на результатах многолетних исследований памятника, И. А. Баранов пришел к ряду заключений: «Иконографических и историко-архитектурных данных, которые могли бы иметь отношение к догенуэзской, а тем более к сельджукской эпохе, при самом тщательном искусствоведческом анализе купольного здания обнаружить не удалось» [2, с. 647]. По его мнению, «застройка генуэзской Солдаи на исследуемом участке была начата не ранее 30-х гг. XV в. <...>. В 1450 г. консулом Бенедетто де Джудиче предпринимается строительство городской лоджии – “храма с аркадой”, для чего разбираются постройки над обрывом. Первоначально здание ратуши имело открытую галерею с аркадой вдоль восточной стены, из которой в присутственный зал вела парадная дверь с резным порталом и окно с резным наличником <...>. Одновременно с порталом и окном в галерее в южной стене главного зала ратуши сооружается большое парадное окно, украшенное высокохудожественной резьбой в том же “сельджукском” стиле. Галерея и центральный зал ратуши были первоначально перекрыты коробовым сводом. Такое же перекрытие сохранилось и на хорах <...>. Новая перестройка здания ратуши датируется 1473 г. и была предпринята господином Каталано, являвшимся, вероятно, донатором <...>. При Каталано закладывается аркада галереи и пробиваются две новые двери, северная из которых становится парадной. На этом генуэзский этап строительства и перестройки здания ратуши был завершен» [2, с. 651]. Следующий строительный период, по мнению И. А. Баранова, «связан уже с турецким владычеством, когда после 1475 г. здание ратуши переосвящается в крепостную мечеть Баязида Святого. Парадное окно закладывается и в его проеме сооружается михраб. Перед главным порталом на прямоугольной каменной платформе возводится минарет, совершенно преобразивший внешний облик генуэзской постройки. Коробовое перекрытие центрального зала <...> было заменено уплощенным куполом <...>. В таком состоянии мечеть простояла до занятия Судакской крепости российскими войсками в 1771 г.» [2, с. 651].

⁵ А. В. Джанов считает, что «в настоящий момент нет никаких оснований каким-либо образом интерпретировать данное изображение. В западноевропейской монументальной живописи XIV – XV вв. было принято изображать св. Николая в епископском облачении и уж во всяком случае, не в монашеском мафории» [6, с. 665; 7, с. 184].

В 1986 г. на страницах научного издания «Архитектурное наследие» А. И. Опочинская, ссылаясь на хронику Ибн-ал-Биби, выводы А. Л. Бертье-Делагарда и Б. Н. Засыпкина, результаты археологических исследований М. А. Фронджуло, заключила: «Думается, что судакское здание строилось в XIII в. как мечеть, а генуэзцы могли лишь его реставрировать, поместив над михрабом надпись. После них, в конце XV – XVI вв., мечеть подновлялась турками» [20, с. 264]. Автор, не соглашаясь с выводами О. И. Домбровского, отметила, что обнаруженная им фреска на пилястре притвора свидетельствует скорее о культовом назначении здания, а не общественном. Она подчеркнула: «Предположения О. И. Домбровского о том, что на фреске изображен Николай Мирликийский, а это святой, почитаемый преимущественно православной церковью, и что писавший фреску мастер мог происходить из францисканского монастыря, имевшегося в XIII в Солдайе, по свидетельству Марко Поло, трудно совместимы» [20, с. 264]. Еще одним аргументом в пользу несостоятельности теории О. И. Домбровского и А. И. Баранова об общественном назначении здания, по мнению А. И. Опочинской, является наличие купола: «Вызывает серьезные сомнения сам факт перекрытия куполом здания, если оно строилось генуэзцами как общественное. Купол для итальянцев – традиционная форма, свойственная культовой архитектуре. В общественных и жилых зданиях применялись только крестовые, коробовые своды или плоские деревянные перекрытия» [20, с. 264].

Рассматривая архитектуру здания судакской мечети, В. А. Сидоренко заключил, что михрабным обрамлением является верхняя часть резного портала, нижняя часть которого оказалась утраченной. По его мнению, портал мог быть перенесен при поспешном восстановлении мечети после турецкого завоевания Крыма в 1475 г. При этом В. А. Сидоренко склонен считать, что первоначально «портал был частью внешнего оформления входа католической или армяно-католической церкви» [24, с. 120].

В 1991 г. по заказу института «Укрпроектреставрация» опубликована работа Е. И. Лопушинской, посвященная историко-архитектурному описанию крепостного ансамбля Судакской крепости (рис. 7). Автор связала возведение мечети с захватом города сельджуками войсками под руководством Хусам-эд-Дина-Чупана, датируя это событие 1221 г. Выделен ряд строительных периодов здания: 1) начало XIII в. (сооружение здания сельджуками); 2) первая половина XIV в. (возрождение мечети под золотоордынским влиянием); 3) первая половина XV в. (превращение здания в капеллу); 4) конец XVI – начало XVII вв. (восстановление мечети); 5) конец XIX в. (армяно-католический храм). Надпись на архивольте михраба однозначно датирована 1422 г. и связана с приспособлением здания под капеллу [19, с. 63–69].

Тезис М. А. Фронджуло об использовании фрагментов христианского храма во время возведения здания мечети получил поддержку в 2005 г. в публикации А. В. Джанова, обнаружившего в кладке строения части надгробий со сбитыми рельефными изображениями крестов в круге, выполненные в циркульной технике [6, с. 660].

Существенные стилистические отличия в оформлении михраба исследователь не склонен связывать с его полным либо частичным переносом, изменением архитекто-

ники здания, перестройкой на раннем этапе и т.п. А. В. Джанов заключил, что нижняя часть михраба могла быть разрушена в середине XIX в. Во время реставрации 1883 г. отсутствовавшие блоки были заменены обычной кладкой и закрыты алтарем. На новых деталях орнамент продолжен по аналогии с сохранившимися фрагментами [6, с. 663; 7, с. 182]. Кроме того, добавленные фрагменты были выполнены из иного материала: верхняя часть обрамления, центральное поле и сталактитовый свод ниши михраба изготовлены из нуммулитового известняка, позднейшие добавления – из копсельского песчаника. «К сожалению, это обстоятельство ускользнуло от внимания исследователей, предполагавших наличие входного портала вместо михраба в генуэзский период и что само собой породило массу недоразумений, бытовавших несколько десятилетий в научной литературе», – заключил А. В. Джанов [6, с. 663; 7, с. 189].

Подытоживая свои размышления, он пришел к выводу, что «характерные черты мусульманской культовой архитектуры и аналогии второй четверти XIV в. не оставляют сомнения, что постройку начинали возводить как мечеть» [6, с. 667; 7, с. 185]. На последнем этапе строительство мечети из-за захвата Судака генуэзцами было прекращено. В 1373 г. недостроенное здание мечети обращено в католическую церковь, стены внутри оштукатурены и покрыты росписями с изображениями христианских святых. Над михрабом появилась латинская строительная надпись. В качестве заказчика этих работ в надписи значится некто Г. Каталано. По мнению А. В. Джанова, «это лицо не было представителем генуэзской администрации города, иначе в надписи была бы обязательно упомянута его должность. Даже вместо его полного имени в надписи оставлена только заглавная буква. Подчеркнуто уничижительное отношение к себе в подписях характерно было для представителей не светской, а церковной администрации» [6, с. 667; 7, с. 186]. Исследователь пришел к выводу, что упомянутый Г. Каталано являлся монахом, а купольное здание – храмом основанного им францисканского монастыря. По его мнению, «что в районе судакской мечети существовал монастырь, <...> свидетельствует тот факт, что территория, где расположен памятник, находилась до 1409 г. за пределами основной части города. Территория монастыря была обнесена отдельной каменной крепостной стеной, которую фланкировали с севера две башни <...>. Из других сооружений монастыря следует упомянуть большое квадратное здание к северу от храма, раскопанное в 1970 г., а также большую цистерну между ними» [6, с. 668; 7, с. 187].

В очередной раз схожесть архитектурной композиции мечетей в Судак и Куршум-Джами в Старом Крыму отметил В. П. Кирилко, подчеркнув, что «тождество обоих строений <...> проявляется главным образом в конструкции перекрытия – использовании тропов пирамидальной формы, которые в судакском строении отличались лишь более сложной пластикой (пятикратным изломом) гофрированной поверхности» [15, с. 92]. Он поддержал идею А. В. Джанова о возведении мечети накануне захвата Судака генуэзцами в 1365 г., строительство которой при этом осталось местами незавершенным. В. П. Кирилко обратил внимание на неординарную архитектонику сооружения, обусловленную во многом, по его мнению, особенно-

стью рельефа: «Характерной чертой мечети является наличие открытой снаружи галереи с арочным ограждением на столпах, примыкавшей к зданию сбоку <...>. Необычным представляется ассиметричное, со смещением, попарное расположение четырех окон на северном фасаде мечети, равно как, не имеют близких аналогий богато декорированные изысканной порезкой каменные наличники двух проёмов восточной стены, предположительно, появившихся позднее на месте первоначальных ниш» [14, с. 444]. Латинская надпись над михрабом исследователем датирована 1373 г. и связана, предположительно, с «приспособлением бывшего здания мечети Солдаи для новых потребностей Коммуны, возможно, под католическую церковь» [17, с. 413]. Автором справедливо подчеркнут дискуссионный характер гипотезы о возможности вторичного использования михраба в мечети, «время возведения и идентификация которой, в свою очередь, также небесспорны» [16, с. 166].

В. П. Кирилко предположил, что мечети в Судакской крепости могла принадлежать каменная емкость для воды, находившаяся рядом со зданием – заглубленная в землю круглая в плане цистерна, перекрытая куполом. В строение вел узкий лаз с дверным проемом и каменной лестницей, доходившей до дна цистерны. Емкость заполнялась привозной водой через керамическую трубу в куполе⁶. Среди аналогий наиболее близкая сардоба была выявлена в Бухаре (мечеть Халифа Худойдод) [14, с. 445].

В. П. Кирилко обратил внимание на явно вторично использованную деталь в устройстве фонтана начала XX в., расположенного близ главных ворот Судакской крепости (рис. 8). Сполия представляет собой нижнюю часть монументального наличника, украшенного сельджукской цепью с розетками и растительным орнаментом [14, с. 444]. Е. А. Айбабина склонна считать, что фрагмент «принадлежал значительной по своим размерам постройке второй половины XIV в. или первой половины XV в.» [1, с. 169]. А. Л. Бертье-Делагард отнес деталь к XV в. [4, с. 21], Е. И. Лопушинская соотнесла ее с порталом мечети Судакской крепости [19, с. 65]. А. В. Джанов, не соглашаясь с последней, подчеркнул, что «подобные предположения, по меньшей мере, слишком смелы. В немалом по меркам Причерноморья средневековом городе было наверняка достаточно зданий, украшенных каменной резьбой, к тому же, следов перестроек в кладке привходной части не наблюдается. На блоках же входного наличника, в нижней части все же сохранились подготовительные орнаментальные штрихи в виде сталактитовых лепестков, вероятно сделанных еще перед установкой блоков на место. Причина того, что не была закончена орнаментация дверного обрамления, капителей, оконных наличников и михраба, очевидно – одна и та же» [6, с. 664].

Авторитетный специалист в области генуэзской эпиграфики и геральдики Е. А. Яровая в 2004 г. на Второй Судакской международной конференции пришла к выводу, что на архивольте михраба мечети слева от надписи помещен герб рода Гоано⁷: «Гербы в нижней части архивольта справа и слева хорошо сохранились. Их

⁶ Устройство цистерны ранее описано Е. И. Лопушинской [19, с. 96].

⁷ Гоано (Guano) – торговцы и ремесленники гибеллины. Корни семьи прослеживаются в Лигурии с

можно рассмотреть по фотографии, сделанной Е. Ч. Скржинской во время Судакской экспедиции ГАИМК 1928 г. На ней четко виден герб с изображением донжона в поле с боковыми полосами справа налево. Он идентифицируется однозначно – это фамильный знак генуэзского рода Гоано» [33, с. 248].

Э. Д. Зиливинская, ссылаясь на работу А. В. Джанова и поддерживая его выводы, обратила внимание на то, что современные исследователи судакской мечети не видят прямых аналогий в архитектуре Малой Азии. По ее мнению, «“храм с аркадой” в Судаке представляет собой типичный образец небольшой купольной мечети постсельджукского и раннеосманского периодов. Таких мечетей в Малой Азии не одна или две, а несколько десятков. <...> Кроме уже упоминавшейся Зеленой мечети в Изнике можно привести в качестве аналогий мечети XIV в. Якуба Чеклеби в Изнике и Хаджи Феррух в Конье» [12, с. 34].

Изучением купольного здания, расположенного на территории Судакской крепости, занимается не одно поколение исследователей. Но итогом продолжительных изысканий стал не фундаментальный обобщающий материал по истории создания и функционирования памятника, а лишь накопившаяся масса серьезнейших вопросов, концепций и теорий, зачастую противоречащих друг другу. Т.н. «храм с аркадой» превратился в своеобразный исторический и историографический феномен, с каждым этапом изучения которого появляется множество новых домыслов и предположений, как серьезно обоснованных, так и базирующихся лишь на догадках и слабо аргументированных выводах. Большинство исследователей в качестве его первоначального назначения склонны предполагать мечеть, построенную в XIII в. (А. И. Опочинская), во второй четверти XIV в. (А. В. Джанов), в первой половине XIV в. (А. Л. Якобсон), в XIV или XIII в. (Е. Ф. Карпович), в 1221 г. (Е. И. Лопушинская), до 1314 г. (Б. Н. Засыпкин), до 1365 г. (М. А. Фронджуло), накануне 1365 г. (В. П. Кирилко). Э. Д. Зиливинская считает памятник «типичным образцом небольшой купольной мечети постсельджукского и раннеосманского периодов». Не утратила своей актуальности идея о строительстве сельджукской мечети на фундаменте христианского храма (А. И. Полканов, А. Ю. Якубовский), при этом вторичное использование архитектурных фрагментов христианской постройки подтверждается археологическими работами второй половины XX в. (М. А. Фронджуло, А. В. Джанов). Романской базиликой памятник считал Н. Д. Протасов. Оригинальными выглядят концепции О. И. Домбровского о сооружении здания в конце XIV – начале XV вв. для приема консула в качестве присутственной залы, «дома консульства»; А. В. Джанова о приспособлении мечети в 1373 г. под францисканский монастырь; И. А. Баранова об использовании памятника в качестве городской ратуши и его строительстве в 1423 г. (И. А. Баранов, 1982) или в 1450 г. консулом Бенедетто де Джудиче (И. А. Баранов, 2005).

1233 г. Известные представители рода: Джованни в 1308 г. исполнял обязанности подеста в Савоне (Лигурия). С 27 марта 1415 г. по 1 июля 1416 г. Барнаба ди Оттобоно Гоано занимал дожеское кресло в Генуе. Член семьи Гоано Пьетро проживал в Каффе около 1290 г. [36, с. 248].

Одним из наиболее острых вопросов, вызвавших массу споров и противоречий, является датировка надписи на наличнике михраба. При этом надпись рассматривается либо в качестве непосредственного указателя на дату возведения памятника, либо на момент его кардинальной перестройки или реставрации. Оставляет множество разночтений сам текст надписи. До настоящего момента достоверно не установлена личность Г. Каталано, чье имя в ней увековечено. Исходя из имеющихся предположений, он мог являться консулом города, представителем купеческого сословия, монахом-францисканцем, католическим священником. Не выяснена строительная история михраба мечети: сооружен одновременно с основным зданием (М. А. Фронджуло); возведен первоначально, нижняя часть утрачена в середине XIX в., восстановлена в 1883 г. (А. В. Джанов); установлен после 1475 г. на месте оконного проема (И. А. Баранов); перенесен при поспешном восстановлении мечети после турецкого завоевания 1475 г. (В. А. Сидоренко).

Обозначен лишь ряд наиболее спорных вопросов, возникших при исследовании здания. Следует учитывать обширное количество других, не менее сложных и проблемных нюансов истории возведения и функционирования памятника (почему мечеть оказалась недостроенной, когда и при каких обстоятельствах строительство было прервано? и др.). Массу вопросов вызывает архитектура строения. Данные вопросы своими корнями восходят ко второй половине XIX – началу XX века – времени его первоначального научного изучения. В дальнейшем, несмотря на неугасающий интерес к зданию, большинство из них до настоящего момента остаются без твердо аргументированных ответов. Для поиска конкретных исчерпывающих решений представленных сюжетов требуется комплексное всестороннее исследование объекта культурного наследия, продолжение археологических работ на территории Судакской крепости, качественная архивная и историографическая эвристика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабина Е.А. Декоративная каменная резьба Кафы XIV–XVIII вв. Симферополь: Сонат, 2001. 280 с.
2. Баранов И.А. Зальное купольное здание Судакской крепости // Сугдейский сборник. 2005. Вып. 2. С. 632–653.
3. Баранов И.А. Судакская капелла. Датировка и атрибуция // Пятая республиканская научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении: тезисы докладов, 12–16 октября 1982 г. Ереван, 1982. С. 275–276.
4. Бертъе-Делагард А.Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. 1918. Вып. 55. С. 1–44.
5. Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе по случаю столетия херсонесских раскопок (1827–1927), 10–13 сентября 1927 г. Севастополь, 1927. 68 с.
6. Джанов А.В. «Храм с аркадой» в Судаке // Сугдейский сборник. 2005. Вып. 2. С. 654–669.
7. Джанов А.В. Храм с аркадой в Судаке. Мечеть или храм католического монастыря? // Церковная археология Южной Руси: сборник материалов международной конференции «Церковная археология: проблемы, поиски, открытия». Симферополь, 2002. С. 178–191.
8. Домбровский О.И. Средневековое купольное здание Судакской крепости // Сугдейский сборник. 2005. Вып. 2. С. 612–620.
9. Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. Киев: Наукова думка, 1966. 110 с.

10. Засыпкин Б.Н. Обследование памятников архитектуры Крыма // Новый Восток. 1927. № 18. С. 277–278.
11. Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2. С. 113–168.
12. Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. 1: Культовое зодчество. Казань: Отечество, 2014. 228 с.
13. Карпович Е.Ф. Судакская капелла: история одного архитектурного памятника // Известия Крымского отдела географического общества СССР. 1951. Вып. 1. С. 119–123.
14. Кирилко В.П. Архитектура Золотоордынского Крыма // Мирас – Наследие. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3-х т. / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдинов. Т. 1. Казань: Астер Плюс, 2016. С. 420–496.
15. Кирилко В.П. Золотоордынская архитектура Крыма: общее и особенное // Археология евразийских степей. Казань, 2013. Вып. 17: Материалы Второго Международного болгарского форума «Средневековая Евразия: Симбиоз городов и степи», Казань, 21–23 мая 2011 г. С. 84–99.
16. Кирилко В.П. Сплоии в архитектуре Крымского Ханства // Материалы конгресса исламской археологии России и стран СНГ, г. Казань, 26–28 сентябрь 2016 г. Казань, 2016. С. 160–169.
17. Кирилко В.П. Строительная летопись Таврики второй половины XIII – третьей четверти XV веков // История и археология Крыма. 2014. № 1. С. 406–434.
18. Ломакин Д.А. Прочтение длиной в 155 лет: надпись на архивольте михраба мечети в Судак // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 737–755.
19. Лопушинская Е.И. Крепость в Судак. Киев: Будивельник, 1991. 106 с.
20. Опочинская А.И. Судакская крепость // Архитектурное наследие. 1986. № 34. С. 255–265.
21. Полканов А.И. Судак (Сугдея–Сурож–Солдайя): исторический очерк и путеводитель по крепости. Симферополь: Издание КрымОХРИСа, 1926. 79 с.
22. Протасов Н.Д. Памятники Судака // Крым. 1926. № 2. С. 95–105.
23. Секиринский С.[А.]. Очерки истории Сурожа IX–XV вв. Симферополь: Крымиздат, 1955. 102 с.
24. Сидоренко В.А. Исследование архитектурных стилей памятников Юго-Восточного Крыма // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев: Наукова думка, 1988. С. 115–129.
25. Скржинская Е.Ч. Истории генуэзских поселений в Крыму // Судакская крепость. История, археология, эпиграфика: сборник работ и материалов / Сост. А.В. Джанов, Л.Г. Климанов. Киев; Судак; СПб.: Академперіодика, 2006. С. 39–100.
26. [Скржинская Е.Ч.]. О работах экспедиции в судак в 1928 г. (июнь-август) // Судакская крепость. История, археология, эпиграфика: сборник работ и материалов / Сост. А.В. Джанов, Л.Г. Климанов. Киев; Судак; СПб.: Академперіодика, 2006. С. 138–145.
27. [Скржинская Е.Ч.]. О Судакской экспедиции 1929 г. Доклад в ГАИМК // Судакская крепость. История, археология, эпиграфика: сборник работ и материалов / Сост. А.В. Джанов, Л.Г. Климанов. Киев; Судак; СПб.: Академперіодика, 2006. С. 146–155.
28. Скржинская Е.Ч. О судьбе памятников культуры в Крыму во время немецкой оккупации // Судакская крепость. История, археология, эпиграфика: сборник работ и материалов / Сост. А.В. Джанов, Л.Г. Климанов. Киев; Судак; СПб.: Академперіодика, 2006. С. 319–320.
29. Фронджуло М.А. Дослідження в Судаку // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. 1972. Вип. 4. С. 264–266.
30. Фронджуло М.А. Раскопки «храма с аркадой» Судакской крепости (1969–1975 гг.) // Сугдейский сборник. 2005. Вып. 2. С. 621–631.
31. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л.: Наука, 1964. 233 с.
32. Якубовский А.Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. (черты из торговой жизни половецких степей) // ВВ. 1928. Т. 25. С. 53–76.

33. Яровая Е.А. О новых идентификациях гербов на закладных плитах из Судака // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: материалы Второй Судакской международной конференции. Киев; Судак, 2004. Ч. 2. С. 247–249.
34. Skrzinska E. Inscriptions latines des colonies genoises en Crimee (Theodosie, Soudak, Balaklava). Genova, 1928. 140 p. (Atti della Societa ligure di storia patria. Vol. 56).

REFERENCES

1. Aibabina E.A. *Dekorativnaia kamennaia rez'ba Kafy XIV – XVIII vv.* Simferopol, Sonat Publ., 2001, 280 p.
2. Baranov I.A. Zal'noe kupol'noe zdanie Sudakskoj kreposti. *Sugdejskij sbornik*, 2005, Vol. 2, pp. 632–653.
3. Baranov I.A. Sudakskaja kapella. Datirovka i atribucija. *Pjataja respublikanskaja nauchnaja konferencija po problemam kul'tury i iskusstva Armenii: tezisy dokladov.* Erevan, 1982, pp. 275–276.
4. Bert'e-Delagard A.L. Kalamita i Feodoro. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komisii*, 1918, Vol. 55, pp. 1–44.
5. *Vtoraia konferentsiia arkheologov SSSR v Khersonese po sluchaiu stoletii stoletii khersonesskikh raskopok (1827–1927), 10–13 sentiabria 1927 g.* Sevastopol, 1927, 68 p.
6. Dzhanov A.V. «Hram s arkadoj» v Sudake. *Sugdejskij sbornik*, 2005, Vol. 2, pp. 654–669.
7. Dzhanov A.V. Hram s arkadoj v Sudake. Mechet' ili hram katolicheskogo monastyrja? *Cerkovnaja arheologija Juzhnoj Rusi: sbornik materialov mezhdunarodnoj konferencii «Cerkovnaja arheologija: problemy, poiski, otkrytija»*, Simferopol, 2002, pp. 178–191.
8. Dombrovskij O.I. Srednevekovoe kupol'noe zdanie Sudakskoj kreposti. *Sugdejskij sbornik*, 2005, Vol. 2, pp. 612–620.
9. Dombrovskij O.I. *Freski srednevekovogo Kryma.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1966, 110 p.
10. Zasyppin B.N. Obsledovanie pamiatnikov arkhitektury Kryma. *Novyi Vostok*, 1927, Vol. 18, pp. 277–278.
11. Zasyppin B.N. Pamiatniki arkhitektury krymskikh tatar. *Krym*, 1927, Vol. 2, pp. 113–168.
12. Zilivinskaia E.D. *Arkhitektura Zolotoi Ordy.* Kazan', Otechestvo Publ., 2014, 228 p.
13. Karpovich E.F. Sudakskaja kapella: istorija odnogo arhitekturnogo pamjatnika. *Izvestija Krymskogo otdela geograficheskogo obshhestva SSSR*, 1951, Vol. 1, pp. 119–123.
14. Kirilko V.P. Arkhitektura Zolotoordynskogo Kryma. *Miras – Nasledie, Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoj kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godakh*, T. 1, Kazan', Aster Plus Publ., 2016, pp. 420–496.
15. Kirilko V.P. Zolotoordynskaia arkhitektura Kryma: obshchee i osobennoe. *Arkheologija evrazijskikh stepei*, 2013, Vol. 17, pp. 84–99.
16. Kirilko V.P. Spolii v arhitekture Krymskogo Hanstva. *Materialy kongressa islamskoj arheologii Rossii i stran SNG*, Kazan', 2016, pp. 160–169.
17. Kirilko V.P. Stroitel'naja letopis' Tavriki vtoroj poloviny XIII – tret'ej chetverti XV vekov. *Istorija i arheologija Kryma*, Simferopol, 2014, Vol. 1, pp. 406–434.
18. Lomakin D.A. Prochtenie dlinoi v 155 let: nadpis' na arkhivol'te mikhraba mecheti v Sudake. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2018, Vol. XXIII, pp. 737–755.
19. Lopushinskaja E.I. *Krepost' v Sudake.* Kiev, Budivelnik Publ., 1991, 106 p.
20. Opochinaika A.I. Sudakskaja krepost'. *Arkhitekturnoe nasledstvo*, 1986, Vol. 34, pp. 255–265.
21. Polkanov A.I. *Sudak (Sugdeja–Surozh–Soldajja): istoricheskij ocherk i putevoditel' po kreposti.* Simferopol, KrymOHRIS Publ., 1926, 79 p.
22. Protasov N.D. Pamiatniki Sudaка. *Krym*, 1926, Vol. 2, pp. 95–105.
23. Sekirinskij S.A. *Ocherki istorii Surozha IX–XV vv.* Simferopol, Krymizdat Publ., 1955, 102 p.

24. Sidorenko V.A. Issledovanie arkhitekturnykh stilei pamiatnikov Iugo-Vostochnogo Kryma. *Arkhitekturno-arkheologicheskie issledovaniia v Krymu*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1988, pp. 115–129.
25. Skrzhinskaja E.Ch. Istorii genujezskih poselenij v Krymu. *Sudakskaja krepost'. Istorija, arheologija, jepigrafika: sbornik rabot i materialov*, Kiev, Sudak, Akademperiodika Publ., 2006, pp. 39–100.
26. Skrzhinskaia E.Ch. O rabotakh ekspeditsii v sudake v 1928 g. (iiun'-avgust). *Sudakskaja krepost'. Istorija, arheologija, jepigrafika: sbornik rabot i materialov*, Kiev, Sudak, Akademperiodika Publ., 2006, pp. 138–145.
27. Skrzhinskaia E.Ch. O Sudaksoi ekspeditsii 1929 g. Doklad v GAIMK. *Sudakskaja krepost'. Istorija, arheologija, jepigrafika: sbornik rabot i materialov*, Kiev, Sudak, Akademperiodika Publ., 2006, pp. 146–155.
28. Skrzhinskaia E.Ch. O sud'be pamiatnikov kul'tury v Krymu vo vremia nemetskoj okkupatsii. *Sudakskaja krepost'. Istorija, arheologija, jepigrafika: sbornik rabot i materialov*, Kiev, Sudak, Akademperiodika Publ., 2006, pp. 319–320.
29. Frondzhulo M.A. Doslidzhennia v Sudaku. *Arheologichni doslidzhennia na Ukraïni v 1969 r.*, 1972, Vol. 4, pp. 264–266.
30. Frondzhulo M.A. Raskopki «khrama s arkadoi» Sudaksoj kreposti (1969–1975 gg.). *Sugdeiskii sbornik*, 2005, Vol. 2, pp. 621–631.
31. Jakobson A.L. *Srednevekovyi Krym. Ocherki istorii i istorii material'noi kul'tury*. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964, 233 p.
32. Yakubovskii A.Iu. Rasskaz Ibn-al-Bibi o pokhode maloaziiskikh turok na Sudak, polovtsev i russkikh v nachale XIII v. (cherty iz torgovoi zhizni polovetskikh stepei). *Vizantiiskii vremennik*, 1928, Vol. 25, pp. 53–76.
33. Yarovaja E.A. O novykh identifikacijah gerbov na zakladnyh plitah iz Sudaka. *Prichernomor'e, Krym, Rus' v istorii i kul'ture: materialy Vtoroj Sudaksoj mezhdunarodnoj konferencii*, Kiev, Sudak, 2004, Vol. 2, pp. 247–249.
34. Skrzinska E. *Inscriptions latines des colonies genoises en Crimee (Theodosie, Soudak, Balaklava)*. Genova, 1928. 140 p.

D. A. LOMAKIN

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

THE DOMED BUILDING AT THE TERRITORY OF SUDAK FORTRESS (1920s TO THE EARLY TWENTY-FIRST CENTURY)

Abstract: This paper has accumulated, systematized, and generalized the experience of researches on the mediaeval domed building, a monument of Muslim architecture of south-eastern Crimea, located on the territory of the Genoese fortress in Sudak, from the 1920s to the early twenty-first century. The main stages of the research of this cultural heritage property have been determined, and abundant experience of the making of the architectural history of the monument and analyzing of its architectonics in Russian historiography has been regularised. Various hypotheses, ideas and assumptions that often contradict each other, based both on scientific facts and unreasonable conjectures, which appeared at the present stage of the scholarly researches on the building, have been considered. It has been emphasized that the academic discussion about the time of erection and the initial purpose of the structure is currently far from constructive resolution.

Key words: Sudak, domed building, mosque, monument of architecture, cultural heritage property, research history.

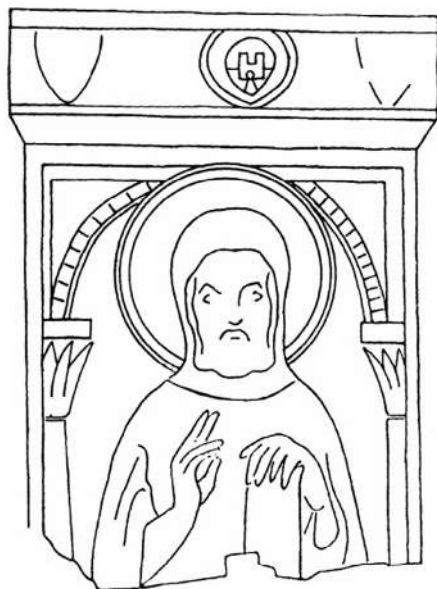
Рис. 1. Интерьер армяно-католического собора в здании мечети Судакской крепости. Фото 1889 г. [ЦМТ, архив А. Л. Бертье-Делагарда, оп. 5, № 78, кп. 11433/48, ф. 3338]

Рис. 2. Мечеть Судакской крепости в период использования в качестве армяно-католического собора. Фото начала XX в. [по: 25, с. 82]

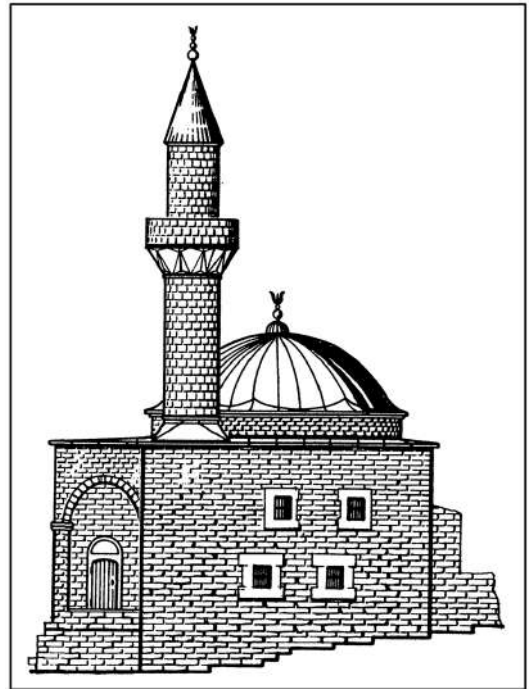
Рис. 3. Мечеть Судацкой крепости в период использования в качестве армяно-католического собора. Фото начала XX в. [по: 27, с. 168]

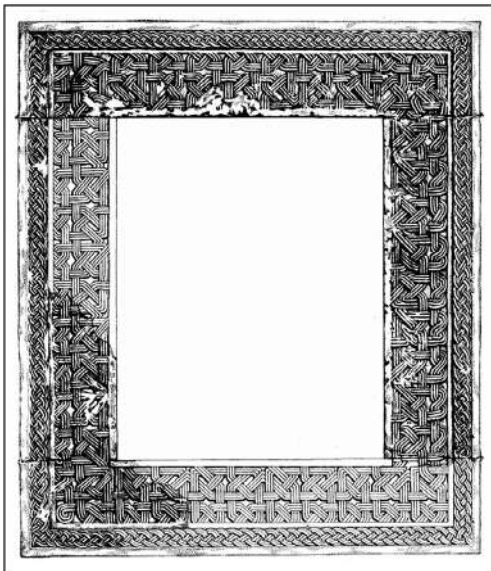
Рис. 4. Фреска на западной пилястре купольного здания Судацкой крепости [по: 8, с. 613, 614; 9, с. 72, 73]

Рис. 5. Наличник северного окна галереи мечети Судакской крепости. Фото 1889 г. [ЦМТ, архив А. Л. Бертъе-Делагарда, оп. 5, № 78, кп. 11433/47, ф. 3337]

Рис. 7. Проект реставрации мечети с восстановлением минарета [по: 19, с. 65]

Рис. 6. Прорисовка наличника северного окна галереи [по: 2, с. 640]

Рис. 8. Фонтан в колонии Судак. Фото 1889 г. [ЦМТ, архив А. Л. Бертъе-Делагарда, оп. 5, № 78, кп. 11433/45, ф. 3335]